

Российско-японские отношения: системный кризис или новые возможности?

Российско-японские отношения переживают сложный, переходный период — отношения между странами, сложившиеся в последние три года на фоне украинского кризиса и тектонических изменений в глобальной политике, неизбежно будут пересмотрены. До недавнего времени Япония проявляла большую активность в отношениях с Россией, а ее политика оставалась в рамках курса, заданного администрацией Синдзо Абэ, пришедшего к власти в 2012 году.

Курс администрации Абэ как источник внутривнутриполитических дивидендов

Абэ преследовал целый ряд стратегических целей: улучшить отношения с Россией в рамках нормализации отношений со странами-соседями, которые существенно ухудшились во время правления Демократической партии Японии; продвинуться сколько возможно в решении проблемы мирного договора (эвфемизм, обозначающий территориальную проблему); не допустить излишнего крена Москвы в сторону Пекина и сбалансировать материковую дипломатию; заложить более осмысленную и прочную основу под двусторонние экономические связи с тем, чтобы они способствовали энергетической безопасности Японии.

Особенность российского направления японской дипломатии заключается в том, что отношения с Россией не имеют прочной организационно-политической и экономической

основы, а значит, подвержены влиянию политической конъюнктуры. В этих условиях важнейшая задача японского лидера традиционно лежит во внутривнутриполитической плоскости: продемонстрировать общественному мнению умение отстаивать национальные интересы, используя для этого широкий арсенал пропагандистских возможностей.

С этой точки зрения для премьер-министра проблема “северных территорий” оказывается идеальной площадкой для извлечения политических дивидендов: если Москва пойдет на какие-то уступки, это будет зачтено в его личный актив, если же отношения с Россией ухудшатся, это можно представить как доказательство неукоснительного следования поставленным целям. Таким образом, никакое развитие событий не сопряжено с политическими рисками, тем более что для крупных экономических субъектов (корпораций и бизнес-ассоциаций, имеющих серьезные рычаги влияния на политическую сферу) Россия не представляет значительного интереса.

Хотя совершенно очевидно, что решение территориального спора не имеет перспектив, для любого японского лидера признать, что он бессилен вернуть острова и они никогда не будут возвращены в состав Японии, равносильно самоубийству. Неписаное правило заключается в том, чтобы “бороться” и время от времени выражать уверенность в успехе, который обязательно придет, пусть даже через сотни лет. Борьба за возвращение “исконных территорий”, захваченных в результате

“советской агрессии”, является частью послевоенной японской идентичности, которая среди прочего включает в себя характерный комплекс виктимности — представление о себе как о жертве.

Вопрос заключается лишь в выборе тактики. Например, выбор Дзюньитиро Коидзуми в 2001 году состоял в жестком требовании “возвращения всех четырех островов”. В противоположность этому, Синдзо Абэ с 2012 года отдал предпочтение политике “гибкости”. В мае 2016 года в Сочи он сформулировал “новый подход”: сперва построить отношения взаимного доверия и развивать двустороннее сотрудничество, а затем на этой основе решить “проблему мирного договора”.

Для обоих политиков прежде всего было важно, какое впечатление они произведут на граждан своей страны, какой личный политический капитал смогут приобрести и принесет ли предложенная ими стратегия пользу правящей партии, которую они возглавляют. С этой точки зрения линия обоих была беспроигрышной: как Коидзуми, так и Абэ смогли повысить свою популярность не в последнюю очередь благодаря личным усилиям по “отстаиванию национальных интересов”, в немалой степени именно на российском направлении. Для обоих главным критерием правильности выбранного курса была субъективная оценка политической выгоды, а практические результаты играли меньшую роль.

В японской политической традиции имидж политика, его восприятие избирателями зачастую оказываются существенно важнее реальных достижений. Это справедливо и для России, и, в разной мере, для западных стран, однако в Японии создание имиджа — не просто инструмент, а самая суть политического процесса.

Период премьерства Абэ является наглядной иллюстрацией этой особенности японской политики. Несмотря на предложенную им линию на пересмотр конституции (Абэ предлагал конституционные поправки, которые легализовали бы наличие у Японии вооруженных сил) и активное военное строительство — судя по опросам общественного мнения, эта линия вызывает глубокий раскол в обществе, — Абэ тем не менее удавалось

сохранить беспрецедентно высокий уровень общественной поддержки. В немалой степени этому способствовало умелое применение лозунгов. Японский премьер последовательно вводил в оборот такие девизы, как тихо со-сэй (“обновление регионов”), дзёсэй кацуяку (“общественная активность женщин”), итиоку кацуяку (“активность ста миллионов” — подразумевается все взрослое население Японии) и т.д. Хотя эти лозунги оставались расплывчатыми, они поддерживали высокий уровень общественных ожиданий и тем самым обеспечивали кредит доверия партии власти — при том, что конкретных и значимых результатов либо не было достигнуто вообще, либо они были неоднозначными. То же можно сказать и по поводу “абэномики” — это слово стало пропагандистским мемом в период правления Абэ и обеспечило успех правящей партии на выборах 2014 года в нижнюю палату парламента.

В том же ряду оказался и слоган “решить проблему мирного договора с Россией”. Трудно сказать, действительно ли амбициозный Абэ рассчитывал решить этот спор, оставив тем самым след в японской и мировой истории. Автор этих строк полагает, что Абэ едва ли верил в готовность Путина передать Японии четыре острова Южно-Курильской гряды. Скорее всего, Абэ лишь соблюдал заранее определенные правила для создания имиджа “правильного” премьер-министра, чья политика отвечает чаяниям масс.

Если исходить из этой гипотезы, конкретный результат в виде реальной сделки с Москвой не имел для Абэ большого значения. Важнее было создавать постоянную видимость “прогресса” на пути к подписанию мирного договора, который Абэ обеспечивает личными усилиями, даже несмотря на неблагоприятные условия для ведения дипломатии на российском направлении — как внутренние (антироссийское общественное мнение), так и внешние (участие Японии в антироссийских санкциях).

Своей цели Абэ старался достичь путем многочисленных публичных обещаний решить территориальную проблему с Россией до ухода в отставку с поста премьера. Акцент делался на том, что эта задача по плечу только

двум людям: самому Абэ и президенту Путину, который признал принцип “хикивакэ” (взаимного компромисса) в качестве основы для ее решения. “Владимир, давай мы вдвоем выполним эту обязанность. Преодолеем все трудности”, — призвал Абэ российского президента во время Восточного экономического форума¹.

В мае 2016 года Абэ выдвинул “новый подход” к отношениям с Россией. В декабре того же года стороны договорились о совместной экономической деятельности на спорных территориях. Параллельно возобновились контакты в формате “два плюс два” (встречи министров обороны и иностранных дел двух стран), был возобновлен рабочий диалог по проблеме мирного договора; в нарушение дипломатического этикета японский лидер два раза подряд посещал Владивосток для участия в экономическом форуме. Новыми красками заиграл и безвизовый обмен после того, как летом 2017 года были организованы чартерные рейсы для бывших островитян и членов их семей. Для стороннего наблюдателя эти шаги стали свидетельством “прогресса” если не в решении самой территориальной проблемы, то, во всяком случае, в “налаживании диалога”, необходимого для возвращения Японии ее исконных земель.

Все это создавало Абэ репутацию деятеля, чьи усилия приближают воссоединение Японии с ее “северными территориями”.

Взаимная утрата надежд и изживание иллюзий

Однако к началу октября 2017 года стало ясно, что реализация “нового подхода” больше не приносит Абэ политических дивидендов. На фоне внутривластных скандалов, в которые оказался замешан сам Абэ, в оценке итогов его пятилетней деятельности зазвучали критические нотки. В частности, Абэ стали припоминать, что никакого реального прогресса в решении вопроса “северных территорий” не достигнуто; скорее наоборот, за годы его премьерства произошел заметный откат. В заключительных документах российско-японских встреч на высшем уровне

не 2016–2017 годов речь шла лишь о необходимости решать проблему мирного договора, а пункт о границах отсутствовал. Более того, президент Путин заявил, что между двумя странами вообще нет территориальной проблемы. Стороны даже не приблизились к тому, чтобы подтвердить ранее достигнутые договоренности, включая Иркутское заявление 2001 года, в котором говорилось о приверженности Декларации 1956 года, и двусторонние документы 1990-х годов, на которые японская сторона опирается в переговорах с Москвой.

Что касается взгляда на Японию из Кремля, с 2014 года эту страну рассматривали как орудие для расшатывания единства “анти-российского фронта”, сформировавшегося на Западе. Путину было важно показать — прежде всего, собственному народу, — что Россия не находится в дипломатической изоляции и что “друг Синдзо”, с которым он решил на ты, готов обсуждать с ним самые сложные и деликатные проблемы современного миропорядка. Обсуждения на высшем уровне создавали ощущение сопричастности России к решению важнейших вопросов мировой политики.

Судя по всему, в первые два года после украинского кризиса в Москве ожидали, что дипломатическая блокада России скоро прекратится и Япония, а также ряд западных партнеров, в частности Италия и Франция, возобновят с ней *business as usual*. Прокремлевские СМИ воздерживались от критики Японии за ее позицию по украинскому вопросу и проблеме Крыма: общим местом стали рассуждения, что эта позиция — результат зависимого положения Японии в Договоре безопасности, отчего Токио вынужден подчиняться окрикам из Вашингтона. В Кремле ценили готовность Абэ приезжать в Россию по самым разным поводам, например для участия в открытии Сочинской олимпиады или в Восточном экономическом форуме. Эти визиты выглядели достаточно эпатажно на фоне того, что в феврале 2014 года на открытии зимней Олимпиады в Сочи не было ни одного из лидеров Большой семерки, а во Владивосток в сентябре 2017 года не приехал Си Цзиньпин, притом что Китай для России гораздо более важный партнер, чем Япония.

Однако после 2016 года идея использования Японии для разрушения западного единства утратила свою актуальность. Российский внешнеполитический истеблишмент постепенно осознал, что японская фронда не расшатывает единство Запада, а Япония никогда не выйдет в одностороннем порядке из санкций.

Сперва востребованность услуг Японии снизилась на фоне надежд Москвы на “дружественную” администрацию Трампа. Однако и после того, как в августе 2017 года Трамп подписал новый пакет антироссийских санкций и эти надежды рухнули окончательно, теплые чувства к Японии не возобновились.

Можно назвать несколько причин. Прежде всего, несмотря на все заявления о “повороте на Восток”, внешнеполитическое мышление российского истеблишмента по-прежнему сохраняет европоцентричный характер. Судя по всему, Москва, как и в период холодной войны, считает, что основные дела в мировой политике совершаются на евроатлантическом пространстве, а тихоокеанские страны воспринимает скорее как “стратегический тыл”. Хотя возвышение Китая несколько поколебало эту убежденность, в Кремле тем не менее осознают, что ради особых отношений с Россией Пекин не будет ставить под удар свои интересы на Западе. На этом фоне с точки зрения Москвы отношения с Японией должны обеспечить большую сбалансированность азиатской дипломатии России и хеджировать риски, связанные с возросшей внешнеполитической и экономической ориентацией России на Китай. Что касается роли Японии в контексте отношений России с Западом, ее в Кремле по-прежнему считают скорее американским сателлитом, чем самостоятельным игроком. Япония в большей мере ассоциируется с культурной и гастрономической экзотикой, чем с политической мощью, которую в России связывают с военной силой.

Еще одна причина снижения интереса к Японии связана с резким сокращением российско-японских экономических связей после украинского кризиса, так что теперь это направление в Кремле считают малоперспективным. Подавляющее большинство проектов, запущенных в России по инициативе

японского правительства, оказались в прочной зависимости от мер бюджетной или налоговой поддержки со стороны государства — по собственной инициативе японский бизнес остерегается приходить в Россию, считая инвестиции в Россию слишком рискованными. Ситуация усугубилась после 2014 года: в результате падения рубля резко упал товарооборот, а присоединение Японии к санкциям стало дополнительным препятствием для инвестиций со стороны частных японских компаний, которые лишились гарантий японских банков.

В Москве понимают, что даже выход Японии из санкций не приведет к серьезным переменам в экономическом сотрудничестве двух стран: японские санкции носят в основном символический характер, а слабость японских инвестиций в дальневосточный регион связана вовсе не с санкциями, а с системными проблемами российской экономики. Поэтому в качестве внешнего источника развития восточных регионов России Япония не сможет заменить Китай, который на зримую перспективу остается для России важнейшим экономическим партнером. В концепции российской внешней политики, опубликованной в октябре 2016 года, Япония занимает четвертое место в списке приоритетных партнеров в Азии — после Китая, Индии и Монголии.

Большую проблему для двусторонних экономических связей представляет то, что стороны по-разному видят основную цель этих связей. В Японии преобладает позиция, что экономика должна следовать за политикой: экономические проекты в России, стимулируемые японским правительством, должны способствовать решению политических задач. Поэтому инвестиции в Россию не обязательно рассматриваются с точки зрения их экономической эффективности — скорее, это форма “помощи”, призванная побудить Москву принять на себя ответные обязательства и пойти на компромисс по территориальному спору. В России же считают, что инвестиционные проекты в Сибири и на Дальнем Востоке являются коммерчески привлекательными для обеих сторон и что именно Россия делает одолжение Японии, разрешая ей инвестировать в прибыльные предприятия.

Разница в подходах хорошо видна на примере совместной экономической деятельности на Курилах. Японии стремится закрепить свое экономическое присутствие на “северных территориях”, чтобы тем самым получить дополнительные основания для территориальных претензий. Для Москвы же важнее привлечь в этот депрессивный и отдаленный регион иностранные инвестиции, не обязательно имеющие японское происхождение. При этом Россия исходит из того, что совместная хозяйственная деятельность на островах должна регулироваться российскими законами, — никакого “учета базовой позиции” Японии, как это предусмотрено в итоговых документах визита Путина в Японию в декабре 2016 года, Россия проводить не собирается. Японцев возмущает не только сам этот факт, но и то обстоятельство, что территория опережающего развития “Курилы”, созданная Москвой в августе 2016 года для реализации совместной деятельности, не предоставляет японским инвесторам никаких особых прав по сравнению с инвесторами из других стран, например Китая или Южной Кореи.

Другой пример — расхождение во взглядах на приоритеты инвестиционного сотрудничества. Япония делает упор на проекты, которые могли бы повысить привлекательность Японии в глазах простых россиян.

Речь в первую очередь идет об инвестициях в социальную сферу, которые позволили бы повысить качество жизни не избалованных комфортом жителей России и существенно улучшить там среду обитания. Примером может служить проект по усовершенствованию городской среды в Воронеже, где получили апробацию японские технологии “умного города”. Эти технологии включают сферы энергосбережения, городского автомобильного трафика (система светофоров), жилищного строительства и городской инфраструктуры (современная система городской канализации) и т.д. На Южных Курилах Япония также уделила первоочередное внимание социально значимым проектам — медицине, сельскому хозяйству, туризму и т.д. Помимо чисто пропагандистского эффекта, подобные начинания имеют и более практический смысл: небольшие по масштабам, но важные в соци-

альном плане инициативы могут в будущем оказаться прибыльными и, таким образом, обрести необходимую финансовую устойчивость.

В противоположность этому, российская сторона наибольшие надежды возлагает на японские инвестиции в инфраструктурные мегапроекты. Например, на Восточном экономическом форуме был представлен проект строительства моста между Сахалином и Хоккайдо стоимостью 1 трлн руб. Как заявил российский вице-премьер Игорь Шувалов, этот мост “даст дополнительную возможность использовать нашу инфраструктуру, и Япония станет континентальной страной”².

Грандиозные замыслы типа строительства газопровода Сахалин — Япония или энергомоста между Сахалином и Хоккайдо свидетельствуют о том, что современные чиновники по-прежнему исходят из “советских” представлений о том, что экономическое развитие страны может быть обеспечено только гигантскими инвестициями в инфраструктурную сферу. В свою очередь японские власти, принимая решение о правительственной поддержке таких проектов, прежде всего оценивают их экономическую эффективность и, несмотря на представляемые Москвой расчеты, сомневаются в их окупаемости.

Что дальше?

Следует признать, что на уровне массового сознания в Японии еще сохраняются иллюзии в отношении России, в немалой степени сформированные лидерами общественного мнения. Согласно распространенной точке зрения, президент Путин преисполнен чувством благодарности к Абэ за предложенный японским лидером “новый подход” и после мартовских выборов 2018 года согласится на устраивающее Токио политическое решение по островам. Пока же следует потерпеть, так как Путину в преддверии выборов нужен образ “патриота” и “собирателя русских земель”.

Очевидно, российская сторона готова вести переговоры по проблеме мирного договора как можно дольше — насколько хватит

терпения у японской стороны. Однако японское общественное мнение ожидает дальнейших шагов — а именно конкретных территориальных уступок Москвы. Иными словами, Абэ исчерпал все возможности “нового подхода” и, судя по всему, других инструментов для того, чтобы поддерживать ощущение “прогресса” в решении проблемы мирного договора, у него нет.

Ситуацию осложняет то, что в Японии начали понимать, что ожидания, возникшие в связи с согласием сторон создать “особый режим” для совместной хозяйственной деятельности, не имеют под собой оснований: в этом вопросе Россия не допустит ослабления собственной позиции. Единственное, на что рассчитывает японская сторона — это прорыв в ходе личной встречи между Путиным и Абэ. Выше уже говорилось о том, что в Токио готовы подождать до президентских выборов в России, однако если после марта следующего года реального прогресса в решении территориального спора не произойдет, в Японии с большой вероятностью поднимется волна разочарования и возмущения по отношению к “коварным русским”.

Развитию двусторонних отношений препятствует и положение дел в российской экономике, которая переживает период длительной стагнации. Кроме того, массовое “прозрение” в Японии по поводу реальных перспектив территориального спора неизбежно создаст повод для критики Абэ, а это, в свою очередь, охладит пыл правительства и в деле налаживания экономического сотрудничества с Россией.

Что касается России, сохраняющийся европоцентризм политического руководства и устойчивые представления о Японии как несамостоятельном игроке и американском сателлите означают, что место Японии во внешнеполитической системе координат Кремля останется неизменным, а представление о Японии как “недружественном государстве” и источнике “необоснованных территориальных претензий” только укрепится.

Пересмотр роли Японии возможен лишь в двух случаях: если экономическая ситуация в России ухудшится настолько, что получение японских кредитов станет вопросом

жизненной необходимости (это будет означать повторение ситуации 1990-х годов, когда Россия была клиентом японской политики “содействия демократии”), либо если добрые отношения с Японией потребуются в результате резкого обострения проблем безопасности на российских дальневосточных рубежах. Если первый сценарий представляется крайне маловероятным (и прежде всего в силу отсутствия у России внешнего долга и наличия пока еще достаточно крупных золотовалютных резервов), то второй несколько более актуален и заслуживает особого внимания.

Сфера безопасности — новая основа российско-японских отношений?

Именно сфера безопасности, как представляется, станет новой основой российско-японских отношений на ближне- и среднесрочную перспективу. Это связано с северокаорейским и китайским факторами, которые представляют серьезный вызов как для России, так и для Японии.

Ни Россия, ни Япония не хотят дальнейшего развития ядерной программы Пхеньяна и эскалации напряженности на Корейском полуострове. Однако страны оценивают ядерную проблему совершенно по-разному. Для России пхеньянский режим — это скорее рудимент холодной войны и заповедник советской эпохи, нежели реальная проблема безопасности, которую нужно решать как можно быстрее. Настойчивость Ким Чен Ына в реализации ядерной программы, конечно, вызывает в Кремле обеспокоенность, но это восприятие не сопоставимо с ощущением настоящего кризиса, которое охватило Японию после того, как в сентябре 2017 года Пхеньян провел испытания водородной бомбы. Антиамерикански настроенный российский истеблишмент относится с определенным сочувствием к Северной Корее, которая в борьбе за собственное выживание способна бросить вызов самой Америке. К тому же в России склонны считать, что Пхеньян не утратил инстинкт самосохранения и не начнет вооруженный конфликт первым и что если оставить его в покое, то режим постепенно “цивилизуется”

сам собой — подобно тому, как осталась в прошлом агрессивная риторика маоистского Китая, который в период культурной революции угрожал миру ядерной войной (*Подробнее о позиции России по северокорейской проблеме см. статью А. Лукина “Предчувствие корейской войны: Станет ли Россия миротворцем или стороной конфликта” в нынешнем номере Контрапункта — Прим. ред.*)

В Москве осознают риски, связанные с неконтролируемым развитием ситуации, и, вероятно, хотели бы обуздать своего непредсказуемого и опасного соседа, но в то же время перспектива возникновения единого корейского государства под эгидой Сеула означает появление на российских границах новых американских баз. Кроме того, Россия молчаливо признает Северную Корею зоной влияния и ответственности Китая, который опасается коллапса КНДР даже больше, чем Москва. Поэтому в северокорейском вопросе Россия будет продолжать блокироваться с Китаем и придерживаться осторожного подхода, альтернативного западному, и тем самым в отношениях с Японией надолго останется по разные стороны баррикад.

Это не исключает возможности обмена мнениями между Москвой и Токио. Наоборот, ощущение угрозы возле собственных границ укрепит базу для продолжения российско-японского диалога в формате “два плюс два” — министров иностранных дел и безопасности. Вместе с тем по-настоящему прочной координации усилий ожидать не придется — в то время как Москва по проблеме КНДР будет неизбежно действовать с оглядкой на Пекин, в Токио сохранится ориентация на Вашингтон. Россия на разнообразных международных площадках будет призывать к сдержанности и в этом смысле выступать антиподом Японии, которая останется сторонником самой жесткой линии по отношению к Пхеньяну.

Еще одним фактором развития или, точнее, предохранительным клапаном в российско-японских отношениях станет китайский вопрос. В Японии серьезно опасаются российско-китайского военного, и особенно военно-технического, сотрудничества: если российские технологии помо-

гут китайской армии совершить значительный качественный скачок, то это изменит военно-стратегический баланс сил в регионе не в пользу Японии. Другой повод для беспокойства Токио — возможность поддержки со стороны Москвы китайских территориальных претензий к соседям. И хотя официально Россия в целом придерживается нейтралитета в отношении этих споров, некоторые события дают пищу для подобных опасений. К их числу можно, например, отнести прошедшие в сентябре 2016 года в Южно-Китайском море совместные российско-китайские военно-морские учения “Морское взаимодействие-2016”, в ходе которых отрабатывались не только стрельбы и спасательные маневры, но и десант с захватом острова³. Некоторые алармистски настроенные японские эксперты оценили эти учения именно как демонстрацию Россией солидарности с Китаем по территориальному вопросу⁴. Масла в огонь подлила и высказанная Путиным в июле 2016 года открытая поддержка позиции Китая по проблеме Южно-Китайского моря в связи с вердиктом Гаагского трибунала⁵.

Стремясь сдержать сближение Москвы с Пекином, японские переговорщики в контактах с российской стороной нередко пытаются нарисовать образ Китая как источника серьезных угроз для России — для военной безопасности российских дальневосточных границ, демографической угрозы и угрозы экономического порабощения. Однако эти попытки едва ли могут принести желаемый результат: в Кремле отдадут себе отчет в том, что японские партнеры намеренно преувеличивают российско-китайские противоречия.

Расхождения в оценке Китая во многом связаны с коренными различиями в том, как воспринимается эта страна с точки зрения национальной безопасности России и Японии. Для Японии Китай является реальной угрозой, которая в любой момент может сделать страны военными противниками (например, в результате обострения споров в Восточно-Китайском море). Для России Китай является угрозой дальнего плана⁶.

Понятно, что в будущем Китай может возвыситься настолько, что джентльменские условия равноправного “стратегического

партнерства” по инициативе Пекина могут быть пересмотрены в сторону, неблагоприятную для России, однако горизонт внешне-политического планирования здесь невелик, так что “китайский вызов” носит скорее умеренный характер. Поэтому принципиально различается мотивация стратегических целей России и Японии в двустороннем диалоге по китайской теме.

В обозримой перспективе Кремль видит в Китае несравненно более важного партнера, чем в Японии. В глазах Москвы Китай представляет собой успешный пример неприятия западной демократической модели и осуществления иного пути развития, а кроме того, Китай — ключевой партнер России по экономическому сотрудничеству, рынок сбыта российских энергоресурсов и продукции военного назначения, а также источник инвестиций и технологий (*Подробнее об отношениях России и Китая см. статью И. Зуренко “Российско-китайское сотрудничество: взгляд из региона” в нынешнем номере Контрапункта — Прим.ред.*)

Но поскольку Москва озабочена тем, как бы не оказаться в чересчур тесных объятиях китайского дракона, диалог с Японией по вопросам безопасности расширяет для Москвы пространство дипломатического маневра на зиаатском направлении. Разумеется, Япония остается союзником США, но в то же время этот союз является важнейшим элементом

военно-политического баланса в Восточной Азии, который сдерживает амбиции Китая с тем, чтобы он не мог получить монопольные права на установление регионального порядка.

В любом случае в сфере региональной и глобальной безопасности у России и Японии большой список вопросов для обсуждения. К их числу относятся проблематика распространения ядерного оружия и средств его доставки, создание действенных многосторонних диалоговых форматов обсуждения военной безопасности, меры доверия в военной сфере. Обе стороны заинтересованы и в координации усилий по невоенным аспектам безопасности, включая борьбу с терроризмом и киберпреступностью, вопросы безопасного морского сообщения, защиту окружающей среды и т.д. Имеется и большой неиспользованный потенциал в сфере культурных, образовательных и научных связей. В 2018 году будут проведены Год Японии в России и Год России в Японии, планируется большая программа мероприятий по популяризации культуры и улучшению имиджа стран-партнеров. Сохранение у власти администрации Абэ в результате парламентских выборов октября 2017 года и ожидаемая победа Путина в марте 2018 года позволят на ближайшие несколько лет сохранить тот политический каркас двусторонних отношений, который был создан усилиями лидеров двух стран.

Примечания

- 1 Синдзо Абэ предложил Владимиру Путину подписать мирный договор // Коммерсантъ. 2017. 7 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3403817> (доступ 05.12.2017).
- 2 Батин Ю. Россия предложила Японии построить мост Хоккайдо — Сахалин // Российская газета. 2017. 6 сентября. URL: <https://rg.ru/2017/09/06/reg-dfo/rossiia-predlozhila-iaponii-postroit-most.html> (доступ 05.12.2017).
- 3 Меликов В. ВМФ России назвал цель совместных учений с КНР в Южно-Китайском море // RNT. 2016. 12 сентября. URL: <http://russnewsinfo.ru/blog/43931384341/VMF-Rossii-nazvaltsel-sovmestnyih-ucheniy-s-KNR-v-YUzhno-Kitays> (доступ 05.12.2017).
- 4 Коидзуми Ю. Почему военно-морские учения Китая и России проводились в Южно-Китайском море? // Иносми.ru. 2016. 29 сентября. URL: <http://inosmi.ru/military/20160929/237941212.html> (доступ 05.12.2017).
- 5 Путин: Россия солидарна с КНР, не признавшей решение суда по Южно-Китайскому морю // ТАСС. 2016. 5 сентября. URL: <http://tass.ru/politika/3595565> (доступ 05.12.2017).
- 6 О том, что в перспективе Китай представляет собой угрозу для России, говорят многие эксперты, в частности на эту тему не раз высказывался Владислав Иноземцев. См.: Иноземцев В. “Китай главная угроза для мировой экономики”. “Персонально ваш” на Эхо Москвы // YouTube. 2017. 14 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e-0U0kY08DU> (доступ 05.12.2017); см. также фильм: “Китай угроза для России с востока. Документальный фильм // YouTube. 2017. 5 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wprxQlbX9Sc> (доступ 05.12.2017).